

ВОПРОСЫ АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»*

В романном творчестве Достоевского наблюдается отчетливая сюжетно-образная преемственность и, соответственно, мотивно-интертекстуальная близость между его ранними и поздними произведениями. Так, например, «Бесы» отчасти вырастают из «Села Степанчикова...» (в частности, образ Степана Трофимовича Верховенского — из Фомы Опискина), «Идиот» и отчасти «Преступление и наказание» — из «Униженных и оскорбленных», «Подросток» (и отчасти «Идиот») — из «Игрока» (а, впрочем, также из «Села Степанчикова...» и «Дядюшкиного сна»). Что же касается «Братьев Карамазовых», то этот наиболее пространственный и итоговый для Достоевского роман имеет синтетический характер и связан прочными нитями со всем его предшествующим творчеством. В настоящей статье мы детально рассмотрим отмеченную выше автоинтертекстуальность романа «Идиот» (1868).

Создавая этот роман, Достоевский во многих отношениях воспользовался своим собственным художественным опытом работы над «Униженными и оскорбленными» (1861). В характере Мышкина (а, впрочем, по-видимому, одновременно и Лебедева) есть некоторые черты князя Алеши Валковского: «Первое впечатление, первое чужое влияние способно его отвлечь от всего, чему он за минуту перед тем отдавался с клятвой. У него нет характера. Он вот поклянется тебе. Да в тот же день, так же правдиво и искренно, другому отдастся; да еще сам первый к тебе придет рассказать об этом» (З; 198).

Сам по себе сюжет романа, который создавался недавно женившимся и впервые ставшим отцом Достоевским, в то время как он испытывал серьезное увлечение своей племянницей С.А.Ивановой (а именно ей был посвящен роман «Идиот» в журнальной редакции) и строил в письмах к ней утопические проекты жизни вдвоем, находит в «Униженных и оскорбленных» прямые параллели. Ведь Наташа

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф.М.Достоевского», № 18-012-90002.

в этом романе 1861 г. как раз и мечтала: «...мы будем жить втроем...» — и ей вторит Алеша: «...мы будем все трое любить друг друга...» (3; 202, 244). Центральная сюжетная коллизия «Униженных и оскорбленных», связанная с любовью Алеши сразу к двум героиням, напоминает две — разные по своей природе (любовь-страсть и любовь-жалость) — любви князя Мышкина в «Идиоте»: к Аглае Епанчиной и к Настасье Филипповне.

Характер решения этой темы в новом романе Достоевского ознаменовал разрыв писателя с сентиментальностью и прекраснотушеством его прежних героев в пользу психологического реализма в изображении подобных конфликтных отношений. В «Униженных и оскорбленных» Наташа мирилась со своей ролью покинутой любовницы и без борьбы уступала Алеше Кате, к которой испытывала самые нежные чувства, встречая аналогичное отношение с ее стороны. В «Идиоте» расположение Настасьи Филипповны к Аглае и ее готовность уступить ей князя Мышкина приводят во время личной встречи героинь к противоположным последствиям. Таким образом, в романе «Идиот» Достоевский решительно отказался от своей бывшей благостности в изображении столь драматических отношений.

При этом в «Униженных и оскорбленных» он следовал Александру Дюма-сыну в его сентиментально-идиллическом изображении жертвы Маргерит Готье в отношении сестры Армана Дювала (его отец просил Маргерит прекратить связь с Арманом, чтобы сестра Армана Бланш могла сделать хорошую партию). В «Идиоте» Достоевский трансформирует и переосмысляет тему жертвы: Настасья Филипповна дважды пытается пожертвовать собой — вначале в пользу Александры Епанчиной (она соглашается выйти замуж за Ганю, чтобы Тоцкий мог жениться на Александре), а потом в пользу Аглаи (чтобы на ней мог жениться Мышкин). Однако в конце концов оба раза героиня отказывается от своего намерения. И если потом все же бежит из-под венца, то уже не ради Аглаи, а ради Мышкина.¹

Образы Рогожина и Лебедева находят в «Униженных и оскорбленных» своих прямых предшественников в лице Сизобрюхова и Архипова. Отдельные черты внешности и характера князя Валковского промелькивают в образах генерала Епанчина и Тоцкого (см. ниже построчный комментарий).

¹ См.: Кибальник С.А. Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности // Кибальник С.А. Чехов и русская классика. СПб., 2015. С. 119–121.

Некоторые эпизоды романа: князь на «вечернем собрании» у Епанчиных, виды генерала Епанчина на Настасью Филипповну — находят соответствие в поведении Ивана Петровича в гостиной графини², а также в планах князя Валковского и графа сделать Наташу своей любовницей после отъезда Алеши. Черты детскости в Аглае, несомненно, идут от героини «Униженных и оскорбленных» Кати Филимоновой, а впечатление от Настасьи Филипповны как от яркой, неординарной личности, но женщины чрезвычайно экзальтированной и едва ли не сумасшедшей, отчасти вызвано аналогичным впечатлением, которое производит на некоторых героев раннего романа Достоевского Наталья Николаевна Ихменева.

Если главную героиню первого из двух романов Достоевский назвал по имени и отчеству жены Пушкина («Наталья Николаевна»), то во втором он сделал воспитателем князя человека с фамилией сестры поэта, с которой ему довелось общаться в Павловске («Павлищев»)³.

В строении романа «Идиот» существенную роль имеют также элементы «Игрока»: «Разорившийся, но пытающийся сохранить внешний престиж и склонный к любовным похождениям глава семейства в черновиках „Идиота“ — это как бы вернувшийся после заграничного путешествия генерал из „Игрока“, который тоже промотал свое состояние, оставил детей ни с чем, был прижат за долги и вместе с тем задавал в Рулетенбурге роскошные обеды, содержал пышный выезд, стараясь очаровать M-lle Blanche. Пребывание в Баден-Бадене, Женеве воскресило в Достоевском воспоминания об А.П.Сусловой, с которой он был в этих местах осенью 1863 г. и которая явилась прототипом Полины в „Игроке“. Некоторые черты гордого, своевольного характера Геро также восходят к Сусловой. Напоминает отношение Алексея Ивановича к Полине в первоначальных планах и „странная“ любовь Идиота, „одно только непосредственное чувство,

² При этом общий характер решения эпизода зачастую совершенно противоположный. Так, в «Идиоте» князь произносит в великосветском собрании у Епанчиных «горячешную тираду» и падает затем в припадке эпилепсии, а в «Униженных и оскорбленных» с рассказчиком Иваном Петровичем ничего подобного не происходит: «Я был так глуп, что хотел было возражать; сердце кипело во мне. Но меня остановил ядовитый взгляд князя; он мельком скользнул в мою сторону, и мне показалось, что князь именно ожидает какой-нибудь странной и юношеской выходки с моей стороны; ему, может быть, даже хотелось этого, чтоб насладиться тем, как я себя скомпрометирую» (3; 345).

³ См.: *Боград Г.Л.* Пушкинская тема и павловские знакомые Достоевского (по роману «Идиот») // Вопросы литературы. 1995. № 5. С. 56–66.

безо всяких рассуждений“, при котором он ничего не замечает, даже унижений»⁴.

Окончательная редакция романа «Идиот» также обнаруживает тесные взаимосвязи с «Игроком». Как отмечал М.Джоунс, аналогия между парой «Мышкин — Рогожин» и «Алексей Иванович — мистер Астлей» отнюдь не исчерпывается тем обстоятельством, что обе пары героев знакомятся в поезде (см.: 5; 208 и 8; 5–14): «Отношения мистера Астлея с повествователем и Де-Грие, с одной стороны, и с Полиной, с другой, напоминают отношения Мышкина с Рогожиным и Ганей, а также с Настасьей Филипповной. Это эхо усилено сходством между характерами Полины и Настасьи Филипповны, которое до некоторой степени происходит от их общего прототипа — Полины Сусловой. У мистера Астлея даже есть некоторые общие с Мышкиным черты характера: робость, честность, эмоциональная одаренность (главный ум), демократические убеждения и стремление воздерживаться от резких суждений. Разумеется, это не отменяет серьезных различий между этими двумя героями...»⁵. Тем не менее в целом можно заключить, что непосредственным предшественником образа «положительно-прекрасного» человека в творчестве Достоевского парадоксальным образом был герой-иностранец.⁶

Более того, отзвуки мистера Астлея в романе «Идиот» ощущаются также и в другой, также согретой авторской симпатией героине — Лизавете Прокофьевне Епанчиной (см. ниже построчный комментарий). Внутренне связан ее образ и с Антонидой Васильевной Тарасевичевой. Особенно это бросается в глаза в заключительных словах Лизаветы Прокофьевны, в которых звучит прочное убеждение Достоевского, воплощенное им и в образе «бабушки» из романа «Игрок», что по-настоящему найти свое счастье и применить свои способности⁷ русский человек может только на родине (см. ниже построчный комментарий).

⁴ Примечания: 9; 342.

⁵ Jones M. The Enigma of Mr. Astley // Dostoevsky Studies: New Series. 2002. Vol. 6. P. 55 (перевод с англ. автора статьи).

⁶ См.: Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013. С. 347–348.

⁷ Ср. также упрек мистера Астлея Алексею Ивановичу в заключительной главе «Игрока»: « — Да, вы погубили себя. Вы имели некоторые способности, живой характер и были человек недурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое так нуждается в людях, но — вы останетесь здесь, и ваша жизнь кончена» (5; 317).

Внутренние связи романа «Идиот» с «Игроком» сказываются также в сюжете: в основе обоих лежит сюжетная коллизия романа А.Дюма-сына «Дама с камелиями», отчасти как бы скрещенная с мотивами повести А.И.Герцена «Кто виноват?». ⁸ Ярko проявляются они и в некоторых конкретных характерах. Так, например, «генерал» «Игрока» порождает в «Идиоте» своего рода двойников: генерала Епанчина и Тоцкого, которые напоминают свой прообраз основательной внешностью, солидным возрастом, претензией на значительность, видами на молодых женщин и одновременно неуверенностью в себе, выражающейся в их речи (вплоть до бессвязности и неоконченности у Епанчина), и даже трусоватостью.

Еще Н.О.Лосский справедливо отметил, что «человека, похожего на князя Мышкина своею добротою, мягкостью и деликатностью, правда, почти в шаржированной форме» Достоевский изобразил ранее в образе Егора Ростанева из «Села Степанчикова...» ⁹. Как и в этом «комическом романе», Достоевский в «Идиоте» дал своему герою самое пестрое и разнообразное окружение, которое позволяет измерить всю степень его «смирения» и «всепрощения». Соответственно, в романе «Идиот» писатель мог использовать некоторые мотивы и образы «Села Степанчикова...». Так, готовность Гани Иволгина жениться на Настасье Филипповне из расчетов на ее приданое во многом напоминает сюжетную линию «Мизинчиков — Татьяна Ивановна» (см. ниже построчный комментарий). Возможно, образ Варвары Ардальоновны Иволгиной в какой-то степени произрастает из Анны Ниловны Перепелицыной («девицы Перепелицыной»). ¹⁰

Главная сюжетная линия: любовный треугольник «Князь Мышкин — Рогожин — Настасья Филипповна» — генетически восходит к повести Достоевского «Хозяйка»: «Ордын — Мурин — Катерина». ¹¹ Некоторые интертекстуальные связи протягиваются от «Идиота» к «Преступлению и наказанию» ¹² и «Запискам из подполья» (образы Бахмутова и Зверкова).

⁸ См.: Кибальник С.А. Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности. С. 115–131.

⁹ Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 308.

¹⁰ Также см.: Эггберг Э. Ф.М. Достоевский в поисках положительно прекрасного человека: «Село Степанчиково» и «Идиот» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 385–390.

¹¹ Об этом см., например: Криницын А.Б. Сюжетология романов Достоевского. М., 2017. С. 167–180.

¹² См.: 9; 343, примеч.

Таким образом, очень многие мотивы и образы более поздних произведений Достоевского повторяют в трансформированном виде мотивы и образы более ранних. Это, с одной стороны, обнаруживает единство художественного мира Достоевского, а с другой — показывает его развитие.

Ниже приводим построчный комментарий, иллюстрирующий автоинтертекстуальность романа «Идиот»:

С. 5.¹³ *В одном из вагонов третьего класса, с рассвета, очутились друг против друга, у самого окна, два пассажира...* — Первая встреча Мышкина и Рогожина напоминает знакомство героев романа Достоевского «Игрок» Алексея Ивановича и мистера Астлей: «Этого странного англичанина я встретил сначала в Пруссии, в вагоне, где мы сидели друг против друга...» (5; 210). Это сходство связано с тем, что, как, с одной стороны, Мышкин и Рогожин, так и, с другой, Алексей Иванович и мистер Астлей, представляют собой своего рода редупликацию героя романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» Армана Дюваля — типа влюбленного и готового на всё ради своей любви молодого человека. См.: Альтман М.С. Достоевский и роман А. Дюма «Дама с камелиями» // Международные связи русской литературы: Сб. статей. М.; Л., 1963. С. 359–360; Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. С. 117, 125, 130.

С. 8. *...имя историческое, в Карамзина «Истории» найти можно и должно...* — Ср. в «Униженных и оскорбленных» отзыв о своем происхождении Ихменевых: «...и документы есть у нас, и в истории Карамзина упомянуто» (3; 218).

С. 8. *...и князей Мышкиных уж что-то нигде не встречается, даже и слух затих-с...* — Ср. слова Алеши Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «...я прямо сказал: какие мы князья? Только по роду; а в сущности что в нас княжеского? <...> ...в настоящем-то большом свете об нас уж давно не слыхивали» (3; 237–238).

С. 8. *А что касается до отцов и дедов, то они у нас и однодворцами бывали.* — Ср. также слова Алеши в «Униженных и оскорбленных»: «...и если б отец не нажил сам денег, то его внуки, может быть, сами бы землю пахали, как и есть такие князья» (3; 238).

С. 8–9. *...мне кажется, я последний. ~ Да вот не знаю, каким образом и генеральша Епанчина очутилась тоже из княжон Мышкиных,*

¹³ Здесь и далее указываются страницы изд.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8.

тоже последняя в своем роде... — Ср. слова Алеши в «Униженных и оскорбленных»: «Последний был дядя, Семен Валковский, да тот только в Москве был известен, да и то тем, что последние триста душ прожил...» (3; 238).

С. 9. *...это того самого Семена Парфеновича Рогожина, потомственного почетного гражданина, что с месяц назад тому помре и два с половиной миллиона капитала оставил?* — Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «— «Молодой — это купеческий сын Сизобрюхов, сын известного лабазника, получил полмиллиона после отца...» (3; 263–264).

С. 11. *Я, ваша светлость, и с Лихачевым Алексашкой два месяца ездил, и тоже после смерти родителя, и все, то есть все углы и прогулки знаю, и без Лебедева, дошло до того, что ни шагу.* — Ср. реплику Маслобоева Ивану Петровичу в «Униженных и оскорбленных»: «Архипов, разумеется, обирает Синебрюхова. Много разных закоулков знает, тем и драгоценен для этаких выюношей» (3; 264).

С. 11. *Ныне он в долговом отделении присутствует, а тогда и Арманс, и Коралию, и княгиню Пацкую, и Настасью Филипповну имел случай узнать...* — Перечень «дам полусвета» вызывает ассоциации с аналогичными эпизодическими героинями романа Дюма-сына «Дама с камелиями» и одновременно с подругами M-lle Blanche в «Игроке» Достоевского: «Hortense, и Lisette, и Cléopâtre» (5; 304).

С. 15. *Да и летами генерал Епанчин был еще, как говорится, в самом соку, то есть пятидесяти шести лет и никак не более...* — Возраст Епанчина, отчасти напоминающего, как и Тоцкий, «генерала» из романа Достоевского «Игрок», всего только на год больше. Ср. в «Игроке»: «Влюбиться в пятьдесят пять лет, с такою силою страсти, — конечно, несчастье» (5; 221).

С. 15. *...супругу свою до того уважал и до того иногда боялся ее, что даже любил.* — Трусливостью в обращении с Blanche и другими также отличается «генерал» из «Игрока» (см., например, конец его разговора с Алексеем Ивановичем в главе VI — 5; 238).

С. 21. *...взгляд, несмотря на всю веселость и видимое простодушие его, был что-то уж слишком пристален и испытующ.* — «Он, должно быть, когда один, совсем не так смотрит и, может быть, никогда не смеется», — почувствовалось как-то князю. — Ср. портрет князя Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «Это лицо именно отвращало от себя тем, что выражение его было как будто не свое, а всегда напускное, обдуманное, заимствованное, и какое-то слепое

убеждение зарождалось в вас, что вы никогда и не добьетесь до настоящего его выражения. Вглядываясь пристальнее, вы начинали подозревать под всегдашней маской что-то злое, хитрое и в высочайшей степени эгоистическое» (3; 245).

С. 28. *Притом же ты человек... человек... одним словом, человек умный, и я на тебя понадеялся... а это в настоящем случае, это... это...* — Как и «генерал» из «Игрока», генерал Епанчин всё время не договаривает фраз. Ср. характеристику «генерала»: «По обыкновению своему он не договорил» (5; 226).

С. 33. *Это был человек лет пятидесяти пяти...* — Возраст Тоцкого точно совпадает с возрастом «генерала» из «Игрока» (см. выше примеч. к с. 15).

С. 34. *Взаимно и дружески между Тоцким и генералом положено было до времени избегать всякого формального и безвозвратного шага.* — Ср. в «Униженных и оскорбленных» слова Алеши о его отношениях с Катей: «...хоть у отца с графиней и порешено наше сватовство, но официально еще до сих пор решительно ничего не было, так что мы хоть сейчас разойдемся и никакого скандала...» (3; 241).

С. 37. *Ни малейшего нарушения, ни малейшего колебания не могло быть допущено в том, что всею жизнью устанавливалось и приняло такую прекрасную форму.* — Неожиданным образом изображение житейского идеала русского дворянина новой буржуазной эпохи оживляет ассоциации с изображением француза в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Игроке». Ср.: «Француз, мистер Астлей, это — законченная, красивая форма» (5; 315). Поскольку в романе «Игрок» эта форма выдвинута Алексеем Ивановичем в качестве причины увлечения Полины Де-Грие, то именно с Де-Грие здесь отчасти ассоциируется Тоцкий.

С. 38. *Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был несколько трусоват... <...> ...трусив раз, уже никак потом не мог успокоиться.* — Как и его двойник Епанчин (см. выше), Тоцкий наследует эту черту у «генерала» из «Игрока», «необыкновенную трусость» которого не раз отмечает Алексей Иванович (3; 245).

С. 38. *...испугался бы не столько того, что его убьют и ранят до крови или плюнут всепублично в лицо и пр., и пр., а того, что это произойдет с ним в такой неестественной и непринятой форме.* — См. выше примеч. к с. 37.

С. 39. *Ему показалось возможным одно только объяснение, что гордость «оскорбленной и фантастической женичины» доходит*

уже до такого исступления, что ей скорее приятнее выказать раз свое презрение в отказе, чем навсегда определить свое положение и достигнуть недостижаемого величия. — Ср. объяснение Мизинчиковым Сергею отказа Фомы Опискина принять от Ростанева деньги: «...он и взял бы деньги, да не устоял перед соблазном погримасничать, порисоваться. Это, я вам скажу, такая кислятина, такая слезливая размазня, и всё это при самом неограниченном самолюбии!» (3; 94).

С. 39–43. *В последнее время не без труда познакомился с Настасьей Филипповной генерал Епанчин.* <...> *Трудно было поверить, что будто бы Иван Федорович, на старости своих почтенных лет, при своем превосходном уме и положительном знании жизни и пр., и пр., соблазнился сам Настасьей Филипповной, — но так будто бы, до такой будто бы степени, что этот каприз почти походил на страсть.* — Ср. прямое предложение князя Валковского Наташе после отъезда его сына Алеши: «Вы мне, вероятно, позволите представить вам графа N. Он с превосходным сердцем, родственник наш и даже, можно сказать, благодетель всего нашего семейства...» (3; 404).

С. 43. *Впрочем, известно, что человек, слишком увлекшийся страстью, особенно если он в летах, совершенно слепнет и готов подозревать надежду там, где вовсе ее и нет; мало того, теряет рассудок и действует, как глупый ребенок, хотя бы и был семи пядей во лбу.* — Эта характеристика делает Епанчина очевидным прямым наследником «генерала» из романа Достоевского «Игрок». Ср.: «Генерал был, видимо, без ума от радости, лепетал всякую бессмыслицу и заливался нервным длинным смехом», «...он пришел в восторг и весь этот месяц пробыл в каком-то бессмысленно-восторженном состоянии...» (5; 307).

С. 44. — *Совершенный ребенок.* Также: С. 63: *...он вполне убедился, что я сам совершенный ребенок, то есть вполне ребенок, что я только ростом и лицом похож на взрослого, но что развитием, душой, характером и, может быть, даже умом я не взрослый, и так и останусь, хотя бы я до шестидесяти лет прожил.* — Ср. реплику Алеши в «Униженных и оскорбленных»: «— А про меня как про ребенка говорил; все-то они меня так почитают! Да что ж, я ведь и в самом деле такой» (3; 252). Ср. также: «...Александра Семеновна во многом была такой же точно ребенок, как и Нелли» (3; 375).

С. 47. *...вы чрезвычайно меня интересуете.* — Ср. ремарку мистера Астлея Алексею Ивановичу в «Игроке» о «бабушке»: «Она чрезвычайно интересуется меня...» (5; 252). Отдельные черты и фразы мис-

тера Астлея перешли к Лизавете Прокофьевне (также см.: *Кибальник* С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. С. 348).

С. 65. ...вы совершенный ребенок во всем, во всем, во всем хорошем и во всем дурном, несмотря на то что вы в таких летах... — Ср. реплику князя Валковского о Николае Сергеевиче Ихменеве в «Униженных и оскорбленных»: «Давеча я с вами заговорил об этих деньгах и об этом колпаке-отце, шестидесятилетнем младенце...» (3; 356).

С. 66. — *Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота — загадка.* — Ср. портретную характеристику Кати в «Униженных и оскорбленных»: «...всё это освещало ее лицо каким-то прекрасным светом искренности, придавало ему какую-то высшую красоту, и вы начинали понимать, что не так скоро можно исчерпать всё значение этой красоты, которая не поддается каждому обыкновенному, безучастному взгляду» (3; 349).

С. 66. *А хороша она, князь, хороша? — Чрезвычайно! — с жаром ответил князь, с увлечением взглянув на Аглаю, — почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое!..* — В обрисовке главных героинь романа присутствует мотив двойничества, быть может, мнимого или кажущегося. Ср. более скромную, но также не самую комплиментарную по сравнению с Наташей портретную характеристику Кати в «Униженных и оскорбленных»: «Я ожидал встретить совершенство красоты, но красоты не было. Правильный, нежно очерченный овал лица, довольно правильные черты, густые и действительно прекрасные волосы, обыденная домашняя их прическа, тихий, пристальный взгляд; — при встрече с ней где-нибудь я бы прошел мимо нее, не обратив на нее никакого особенного внимания; но это было только с первого взгляда, и я успел несколько лучше разглядеть ее потом, в этот вечер» (3; 344).

С. 74. *В бараний рог сверну!* — Угроза Гани Иволгина выражена сходным образом с отзывом «генерала» о Полине в финале «Игрока»: «Если б здесь были законы, я бы ее в бараний рог согнул!» (5; 309).

С. 76. ...всё в этой квартире теснилось и жалось. — Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «...в тесной квартире даже и мыслям тесно» (3; 169).

С. 91. *Наружность его, кроме некоторого неряшества, всё еще была довольно прилична...* — Эта портретная характеристика генерала Иволгина несколько напоминает ремарку повествователя «Игрока» о «генерале»: «...он был довольно сановит и приличен <...> с лицом видным, хотя несколько и обрюзглым. <...> С эдаким

пройтись по бульвару было не только возможно, но, если так можно выразиться, даже *рекомендательно*» (5; 307).

С. 95. — *А вот он, Иуда! — вскрикнул знакомый князю голос. — Здравствуй, Ганька, подлец!* — Ср. аттестацию Архипова Маслобоевым в «Униженных и оскорбленных»: «бестия, шельма и теперешний то-варищ Сизобрюхова, Иуда и Фальстаф, всё вместе...» (3; 264).

С. 103. *...иной бы ее еще подлее надул... <...> Уверил бы самолюбивую дуру (и так легко!), что ее „за благородство сердца и за несчастья“ только берет, а сам все-таки на деньгах бы женился.* — Ср. аналогичный довод Мизинчикова Сергею в «Селе Степанчикове...» в доказательство благородства планируемой им женитьбы на Татьяне Ивановне: «...каждую минуту надо ожидать, что к ней подвернется какой-нибудь бездельник, прощелыга, спекулянт, с эспань-олкой и с усиками, с гитарой и с серенадами, вроде Обноскина, кото-рый сманит ее, женится на ней, оберет ее дочиста и потом бросит где-нибудь на большой дороге» (3; 99).

С. 104 *...Здесь ужасно мало честных людей....<...> Подлецы любят честных людей...* — Ср. слова Мизинчикова Сергею в «Селе Степанчикове...»: «...если уж вы дали мне слово, что никому не рас-скажете, то уж, наверное, его сдержите. Вы не Обноскин — это первое. Во-вторых, вы честны и не воспользуетесь моей идеей для себя...» (3; 98).

С. 105. *Я по страсти, по влечению иду, потому что у меня цель капитальная есть. Вы вот думаете, что я семьдесят пять тысяч получу и сейчас же карету куплю.* — Ср. в речах Мизинчикова: «...именно самое великодушное дело! <...> ...во-первых, я жертвую собой и соглашаюсь быть ее мужем... Во-вторых <...> я беру только сто тысяч ассигнациями и уже дал себе слово не брать у ней ни ко-пейки больше во всю мою жизнь, хотя бы и мог...» (3; 99).

С. 120. — *Нас однажды компания собралась, ну и подписали это, правда, и вдруг кто-то сделал предложение, чтобы каждый из нас, не вставая из-за стола, рассказал что-нибудь про себя вслух, но такое, что сам он, по искренней совести, считает самым дурным из всех своих дурных поступков в продолжение всей своей жизни; но с тем, чтоб искренно, главное, чтоб было искренно, не лгать! ~ вышло скверно; всяк действительно кое-что рассказал, многие правду, и пред-ставьте себе, ведь даже с удовольствием иные рассказывали, а по-том всякому стыдно стало...* — Ср. заявление князя Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «Если б только могло быть (чего,

впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться» (3; 361).

С. 124. — *Ба! Вы хотите от человека слышать самый скверный его поступок и при этом блеска требуете! Самые скверные поступки и всегда очень грязны...* — Ср. реплику князя Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «...я, может быть, только тем и виноват теперь, что *откровеннее* других и больше ничего...» (3; 362).

С. 125. *...я сам считаю коротенький анекдот, который сейчас расскажу, самым сквернейшим анекдотом из всей моей жизни.* — В словах генерала Епанчина использовано в трансформированном виде выражение, составившее заглавие рассказа Достоевского 1862 г., в котором с его героем, генералом Пралинским, и в самом деле «случился» «скверный анекдот» (5; 5–45).

С. 138. *...иль завтра же в прачки пойти!* — Ср. намерение Наташи Ихменевой в «Униженных и оскорбленных»: « — Я в работницы наймусь» (3; 282).

С. 141. — *Это вы в лихорадке были; вы и теперь в лихорадке, как в бреду.* — Автореминисценция из «Игрока», в котором Алексей Иванович рассказывает о ночи, проведенной Полиной у него: «Она и плакала, и смеялась — всё вместе. Ну что мне было делать? Я сам был как в лихорадке» (5; 297).

С. 142. — *Человек образованный, но погибший!* — *вполголоса прошептал генерал.* — Ср. также отзыв Епанчина о Настасье Филипповне: «Погибшая женщина!» (С. 148). Автореминисценция из «Игрока», где мистер Астлей говорит Алексею Ивановичу о генерале: «И вот в это-то мгновение мне вдруг пришло на мысль, что это совершенно погибший человек» (5; 249), а потом и о самом Алексее Ивановиче: «...я могу вам это открыть, потому что вы — погибший человек!» (5; 317). Ср. также отзыв повествователя о Маслобоеве: «погибший человек» (3; 265) — и тираду Алеши Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «...признавался, что он преступник перед Наташей, что он погибший человек...» (3; 426).

С. 154. *Недолго спустя генерал узнал, что Афанасий Иванович пленился одною заезжею французенкой высшего общества, маркизой и легитимисткой, что брак состоится и что Афанасия Ивановича*

увезут в Париж, а потом куда-то в Бретань. «Ну, с французенкой пропадет», — решил генерал. — Перспектива, нарисованная генералом Епанчиным, вызывает ассоциации с «генералом» из «Игрока», который аналогичным образом увлекся M-lle Blanche и которого постигла именно такая участь.

С. 160. — *Об заклад побьюсь, что он уже вас надувает и именно теперь обдумывает.* Ср. реплику Маслобоева об Архипове в «Униженных и оскорбленных»: «— Другой, пожилой, — Архипов, тоже что-то вроде купца или управляющего, шлялся и по откупам; бестия, шельма и теперешний товарищ Синебрюхова, Иуда и Фальстаф, всё вместе...» (3; 264). Эта характеристика Архипова, очевидно, представляет собой зерно, из которого произрастает характер Лебедева.

С. 185. — *Да дай же я хоть обниму тебя на прощанье, странный ты человек! — вскричал князь, с нежным укором смотря на него, и хотел его обнять. Но Парфен едва только поднял свои руки, как тотчас же опять опустил их. Он не решался, он отвертывался, чтобы не глядеть на князя. — Аналогичным образом ведет себя при встрече с матерью и сестрой Раскольников в «Преступлении и наказании»: «Обе бросились к нему. Но он стоял как мертвый; невыносимое внезапное сознание ударило в него как громом. Да и руки его не поднимались обнять их: не могли. Мать и сестра сжимали его в объятиях...» (6; 150).*

С. 197. — *Сумасшедшая? Ведь сумасшедшая? — приставал генерал к Тоцкому. — Ср. также: «Женщина сумасшедшая!..» (С. 148); «Сумасшедшая. Сумасшедшая» (С. 254); «— Она сумасшедшая! Помешанная! Уверяю вас! — отвечал князь дрожащим голосом...» (С. 291); «— Какая же сумасшедшая? — заметил Рогожин. — Как же она для всех прочих в уме, а только для тебя одного как помешанная?» (С. 304); «...или просто была сумасшедшая, как уверен был князь...» (С. 473); «— Да; она — сумасшедшая! — прошептал он бледнея» (С. 484). — Ср. слова Наташи Ихменевой в «Униженных и оскорбленных»: «...если я и люблю Алешу как безумная, как сумасшедшая, то тебя, может быть, еще больше, как друга моего, люблю», «Да, люблю как сумасшедшая» (3; 199).*

С. 236. *Естественно, говорит, что моему клиенту по бедности пришло в голову совершить это убийство шести человек, да и кому же на его месте не пришло бы это в голову? — Ср. реплику Мизинчикова Сергею в «Селе Степанчикове...»: «Вы же, конечно, поймете, что мне бы даже грешно было не воспользоваться таким случаем, особенно при моих обстоятельствах» (3; 96).*

С. 247. ...и что княгиня Марья Алексевна не забранит... — Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «...что, дескать, графиня Хлестова скажет?» (3; 337).

С. 259. ...вы пронизываете человека... — Ср. слова Наташи Ихменевой Алеше Валковскому в «Униженных и оскорбленных»: «Ты ребенок, да пронизательнее нас всех. Добрый ты, Алеша!» (3; 252).

С. 261. *Это человек во многих отношениях, конечно, погибший, но во многих отношениях в нем есть такие черты, которые стоит поискать, чтобы найти...* — См. выше примеч. к с. 142.

С. 262 *Генерал долго еще продолжал в этом роде, но слова его были удивительно бессвязны.* — Ср. неоднократные характеристики речей «генерала» в «Игроке» как бессвязных и невнятных.

С. 266 ...даже эта мокрая курица, Александра... Также: С. 272. *Но что „мокрая курица“ — в этом сомненья нет никакого <...> такие названия, как „мокрая курица“ только смешили Александру.* — Ср., например, декларации Алексея Ивановича в «Игроке»: «...если я, например, исчезаю пред нею самовольно в ничто, то это вовсе ведь не значит, что пред людьми я мокрая курица. <...> Небось! Она испугается скандала и кликнет меня опять. А и не кликнет, так все-таки увидит, что я не мокрая курица...» (3; 239). О возможном происхождении этого образа в «Игроке» см.: Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. С. 318.

С. 266. *Господи! Да был ли когда другой такой человек! Тьфу!* — Ср. увещевания Наташи относительно Алеши Валковского, обращенные к Ивану Петровичу, в «Униженных и оскорбленных»: «Его судить нельзя, как всех других. Будь справедлив. Ведь он не таков, как вот мы с тобой. Он ребенок; его и воспитали не так. Разве он понимает, что делает?» (3; 198).

С. 296. *Я, признаюсь, виноват (в этом я сознаюсь), много виноват, но домогательства этой... беспокойной женичины (и дурно ведущей себя вдобавок) могут быть ограничены, наконец, полицией...* — Автореминисценция из «Игрока»: «...генерал вдруг принял грозный тон и стал даже кричать и топтать ногами на бабушку; кричал, что она срамит их фамилию, стала скандалом всего города, и, наконец... наконец: “Вы срамите русское имя, сударыня! — кричал генерал, — и что на то есть полиция!” <...> нельзя ли, в самом деле, как-нибудь употребить полицию?», «Пускался он говорить и о бабушке, но только ужасно бессвязно; он всё еще стоял на мысли послать за полицией» (5; 284, 287).

С. 303. *А твой характер и любовь твоя должны ее поразить!* — Слова Мышкина Рогожину воспроизводят художественную логику романа «Игрок», в котором страстная любовь и готовность на всё Алексея Ивановича в конце концов вызывают ответное чувство у Полины.

С. 304. *...что ты в Аглаю Епанчину как кошка влюблен.* — В Сибирской тетради под № 384 есть запись: «Влюблен как кошка» (см.: 4; 245). Ср. в «Селе Степанчикове...»: «А что дядюшка ваш влюблен, как сибирский кот, так в этом я вас заверяю» (3; 28).

С. 329. *Раз, в Шестилавочной...* — На Шестилавочной улице жил Голядкин, герой «Двойника» (1846) и Маслобоев из «Униженных и оскорбленных» (1861) (см.: 1; 109 и др. и 3; 267, 272).

С. 334. *С этим Бахмутовым в гимназии, в продолжение нескольких лет, я был в постоянной вражде. У нас он считался аристократом, по крайней мере я так называл его: прекрасно одевался, приезжал на своих лошадях, нисколько не фанфаронил, всегда был превосходный товарищ, всегда был необыкновенно весел и даже иногда очень остер, хотя ума был совсем недалекого, несмотря на то что всегда был первым в классе; я же никогда ни в чем не был первым. Все товарищи любили его, кроме меня одного. Он несколько раз в эти несколько лет подходил ко мне; но я каждый раз угрюмо и раздражительно от него отворачивался. Теперь я уже не видал его с год; он был в университете. Когда, часу в девятом, я вошел к нему (при больших церемониях: обо мне докладывали), он встретил меня сначала с удивлением, вовсе даже неприветливо, но тотчас повеселел и, глядя на меня, вдруг расхохотался.* — Ср. эпизод со Зверковым из «Записок из подполья»: «Мосье Зверков был всё время и моим школьным товарищем. Я особенно стал его ненавидеть с высших классов. В низших классах он был только хорошенький, резвый мальчик, которого все любили. Я, впрочем, ненавидел его и в низших классах, и именно за то, что он был хорошенький и резвый мальчик. Учился он всегда постоянно плохо и чем дальше, тем хуже; однако ж вышел из школы удачно, потому что имел покровительство. В последний год его в нашей школе ему досталось наследство, двести душ, а так как у нас все почти были бедные, то он даже перед нами стал фанфаронить. Это был пошляк в высшей степени, но, однако ж, добрый малый, даже и тогда, когда фанфаронил. У нас же, несмотря на наружные, фантастические и фразерские формы чести и гонора, все, кроме очень немногих, даже увивались перед Зверковым, чем более он фанфаронил. И не из выгоды какой-нибудь увивались, а так, из-за

того, что он фаворизированный дарами природы человек. Притом же как-то принято было у нас считать Зверкова специалистом по части ловкости и хороших манер. Последнее меня особенно бесило. Я ненавидел резкий, несомневающийся в себе звук его голоса, обожание собственных своих остроумий, которые у него выходили ужасно глупы, хотя он был и смел на язык; я ненавидел его красивое, но глупенькое лицо (на которое я бы, впрочем, променял с охотой свое умное) и развязно-офицерские приемы сороковых годов. <...> По выпуске он было сделал ко мне шаг; я не очень противился, потому что мне это польстило; но мы скоро и естественно разошлись» (5; 135–136). Поскольку прототипом Зверкова, по всей вероятности, был Тургенев (см.: Трофимова Т.Б. «Записки охотника» и «Записки из подполья»: (К вопросу о творческих взаимоотношениях И.С.Тургенева и Ф.М.Достоевского) // Спасский вестник. Тула, 2012. № 20. С. 45), то аналогичным образом, судя по всему, обстоит дело и с Бахмутовым.

С. 335. *Проводы устроил Бахмутов у себя же в доме, в форме обеда с шампанским, на котором присутствовала и жена доктора...* — Ср. аналогичный обед с шампанским по случаю проводов самого Зверкова в «Записках из подполья» (5; 143–145).

С. 374. *...считаю его за великого, но погибшего человека!* — Мнение Лебедева о генерале Иволгине представляет собой комическую параллель к аналогичным отзывам о различных героях Достоевского и в первую очередь к отзывам о героях «Игрока». См. выше примеч. к с. 142, 261.

С. 379. *...я вас люблю. Совершенство нельзя ведь любить; на совершенство можно только смотреть как на совершенство, не так ли? А между тем я в вас влюблена. Хоть любовь и равняет людей, но, не беспокойтесь, я вас к себе не приравнивала, даже в самой затаенной мысли моей.* — Ср. реплику Кати Наташе в передаче Алеши («Униженные и оскорбленные»): «...просила передать, что уже любит тебя как сестру и чтоб ты любила ее как сестру...» (5; 243).

С. 379. *Знаете, мне кажется, вы даже должны любить меня. Для меня вы то же, что и для него: светлый дух; ангел не может ненавидеть, не может и не любить.* — Ср. обращение Кати к Наташе во время их свидания в «Униженных и оскорбленных»: «— Вот что, мой ангел...» (3; 321).

С. 380. — *Почему я вас хочу соединить: для вас или для себя? Для себя, разумеется, тут все разрешения мои, я так сказала себе давно...* — Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «И право: я бы свел вас обоих вместе, а сам бы стоял возле да любовался на вас» (3; 243).

С. 424 ...*еж* — «*просто еж, и только, — разве означает, кроме того, дружество, забвение обид и примирение, одним словом, всё это шалость, но во всяком случае невинная и простительная*». — Ср. в «Униженных и оскорбленных» об отношениях Алеши и Кати: «Я уверен, что когда они говорили между собой наедине, то рядом с серьезными „пропагандными“ разговорами Кати дело, может быть, доходило у них и до игрушек» (3; 349).

С. 424. — *Какие мы еще дети, Коля! и... и... как это хорошо, что мы дети!* — с упоением воскликнул он наконец. — *Просто-запросто она в вас влюблена, князь, и больше ничего!* — с авторитетом и внушительно ответил Коля. — Ср. объяснение причин любви Алеши к Кате в «Униженных и оскорбленных»: «...в Кате было большое преимущество перед Наташей — то, что она сама была еще дитя и, кажется, еще долго должна была оставаться ребенком. Эта детскость ее, ее яркий ум и в то же время некоторый недостаток рассудка — всё это было как-то более сродни для Алеши. Он чувствовал это, и потому Катя влекла его к себе все сильнее и сильнее» (3; 349).

С. 436. *Я ужасно люблю, что вы такой ребенок, такой хороший и добрый ребенок!* — Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «Она была совершенный ребенок, но какой-то странный, убежденный ребенок, с твердыми правилами и с страстной, врожденной любовью к добру и к справедливости» (3; 348).

С. 437. ...*объявил ему, что он рожден Талейраном и неизвестно каким образом остался лишь Лебедевым.* — Ср. ремарку князя Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «Ха-ха-ха! Талейран, да и только! <...> Но... вы хотели поддеть меня, ха-ха-ха!.. ну, признайтесь, хотели поддеть?.. О Талейран!» (3; 367).

С. 446. *Говорил он мало, и то только на вопросы, и наконец совсем замолк, сидел и всё слушал, но видимо утопая в наслаждении.* — Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «Мне дали чаю и оставили меня в покое, чему я был очень рад» (3; 344). Поведение Ивана Петровича в гостиной графини вначале совершенно сходно с поведением Мышкина на «вечернем собрании» у Епанчиных.

С. 471. ...*мне стало жаль князя Льва Николаевича в первый раз в тот самый день, когда я с ним познакомилась... <...> Мне потому его стало жаль, что он такой простодушный человек...* — Ср. объяснения любви Наташи к Алеше в «Униженных и оскорбленных»: «Она, может быть, полюбила его — как бы это сказать?.. Как будто из какой-то жалости. Великодушное сердце может полюбить из жалости...»; «— Мне его всё как будто жалко. — И мне тоже, — отвечала

Наташа»; «Катя давеча хорошо сказала: я именно любила его так, как будто мне всё время было отчего-то его жалко...» (3; 350, 398, 400).

С. 472. *...выйдете за Рогожина, какая же тогда обида останется?* — Ср. ремарку князя Валковского в «Униженных и оскорбленных»: «...я рассудил, что, отдав ей деньги, сделаю ее, может быть, даже несчастною. Я бы отнял у ней наслаждение быть несчастной вполне *из-за меня* и проклинать меня за это всю свою жизнь. Поверьте, мой друг, в несчастии такого рода есть даже какое-то высшее упоение сознавать себя вполне правым и великодушным и иметь полное право называть своего обидчика подлецом» (3; 367).

С. 474. *...только все-таки я о вас лучшие думала; думала, что вы и умнее, да и получше даже собой, ей-богу!* — Ср. обмен репликами Наташи Ихменевой и Кати Филимоновой в «Униженных и оскорбленных», имеющий диаметрально противоположный характер: «— Я уже видела вашу фотографию, — сказала Катя, — мне ее показывал Алеша. — Что ж, похожа я на портрете? — Вы лучше» (3; 397). Прекраснодушные речи двух героинь-соперниц в этом романе, возможность которых в «Идиоте» задана письмами Настасьи Филипповны к Аглае, во время их свидания обернулись неприкрытой перебранкой.

С. 474. *И я, чтобы только тебя развязать, от тебя убежала...* — Ср. слова Наташи в «Униженных и оскорбленных»: «Но знайте, что я сама, еще два дня тому, здесь, одна, решилась освободить его от его слова, а теперь подтверждаю при всех. Я отказываюсь!» (3; 319).

С. 484. *Стало быть, вы женитесь с какого-то страху? Тут понять ничего нельзя... Даже и не любя, может быть?* — *О, нет, я люблю ее всей душой! Ведь это... дитя; теперь она дитя, совсем дитя! О, вы ничего не знаете!* — *И в то же время уверяли в своей любви Аглаю Ивановну?* — *О, да, да!* — *Как же? Стало быть, обеих хотите любить?* — *О, да, да!* — Ср. в «Униженных и оскорбленных»: «Странен был для меня и Алеша: он любил ее не меньше, чем прежде, даже, может быть, и сильнее, мучительнее, от раскаяния и благодарности. Но в то же время новая любовь крепко вселялась в его сердце. Чем это кончится — невозможно было предвидеть»; « — Все кончено! Все пропало! — сказала Наташа, судорожно сжав мою руку. — Он меня любит и никогда не разлюбит; но он и Катю любит и через несколько времени будет любить ее больше меня» (3; 329, 322).

С. 421. *У него есть... и... и... и...*» (*Продолжительное умолчание и решительная осечка.*) — Ср. роднящее с Епанчиным постоянное недоговаривание фраз генералом из «Игрока».

С. 487. — *Этот Лебедев интригует против вас, князь, ей-богу! Они хотят вас под казенную опеку взять, можете вы себе это представить...* — Аналогичная интрига по отношению к герою-князю ранее была обыграна в «Дядюшкином сне», а затем использована в сюжете «Подростка» применительно к старому князю Сокольскому.

С. 502. *...глаза смотрели на князя пристально, с сильным блеском, но как-то неподвижно.* — Ср. портретную деталь в изображении Наташи в «Униженных и оскорбленных»: «...глаза сияли каким-то странным блеском...» (3; 248).

С. 510. *Бедной Лизавете Прокофьевне хотелось бы в Россию, и, по свидетельству Евгения Павловича, она желчно и пристрастно критиковала ему все заграничное: «Хлеба нигде испечь хорошо не умеют, зиму, как мыши в подвале, мерзнут, — говорила она... <...> И всё это, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!»* — заключила она чуть не гневно, расставаясь с Евгением Павловичем. — Ср. реплику Потапыча Антониде Васильевне Тарасевичевой в «Игроке»: «Ох, уж эта мне заграница! — заключил Потапыч, — Говорил, что не к добру. И уж поскорей бы в нашу Москву! И чего-чего у нас дома нет, в Москве? Сад, цветы, каких здесь и не бывает, дух, яблоньки наливаются, простор, — нет: надо было за границу! О-хо-хо!..» Впрочем, отчасти здесь отразились собственные впечатления Достоевского от жизни в Швейцарии в период работы над романом «Идиот»: «Всего более натерпелись мы из материальных неудобств в Женеве от холода» (28₂; 243).

С. 510. *«Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послушать...»* — Ср. слова «бабушки» из «Игрока» перед самым ее отъездом на родину, куда она едет, чтобы исполнить «обещание церковь из деревянной в каменную перестроить»: «Подлинно, Бог и на старости взыщет и накажет гордыню» (5; 279, 288).